

Никита Брагин

г. Москва

Эридан¹

Незаметное течение Эридана
сквозь шуршащие седые камыши,
незаметное, как всё, что перевозданно
прорастает в целине твоей души,
и, неузнанное, спит под покрывалом
из керамики и выцветших костей,
словно детская мечта о небывалой,
нерождённой красоте.

Тайным знанием душа твоя богата –
пеплом ярости в спартанских черепах,
тихой музыкой музейного агата
и шипением влюблённых черепах.
Серой горлицей слетает Мнемозина
на рассыпанные крошки и кунжут,
а гетеры у кафе и магазинов,
как всегда, клиентов ждут...

Будем счастливы, как пчёлы и цикады,
ожиданию аттических мёдов,
будем радоваться бабочкам загадок,
где разгадкой повторяется любовь!
Где одним касаньем замысел и тема,
где гармония проста, как первый снег,
и ликует повседневная Пандемос –
словно в пепле первоцвет.

Так бывшее прорастает, словно крокус,
в древнем прахе зарождается огонь
ясно солнечный, без дыма и порока,
нежным венчиком целующий ладонь...
Над покоем облетающих платанов,
устилающих и травы, и гранит,
льются звёздные изгибы Эридана,
и душа с душою говорит.

Беотия

На равнине у Фив семивратных,
где хлопчатник белеет в полях,
оглянуться, вдохнуть, и обратно
в терракотово-мраморный прах,
и, под звуки змеинового шипа,
вдоль посевов драконьих зубов
к опустевшим глазницам Эдипа,
в чёрный полдень подземных богов...

Не рыдай обо мне, Антигона,
и от песен моих не старей,
не ищи моего остракона
на просторах земель и морей,
ибо всё, что могло, миновало,
и рассказано тысячу раз
у огня на парах и привалах
и в тени колоннад и террас.

И распевы забытых рапсодов
родниковой водой утекли
к долголетним трудам Гесиода,
в нищету беотийской земли,
а теперь архаический ужас,
улыбаясь, глядит с полотна,
и приходит кромешная стужа
и беспамятная тишина.

Оттого ли возможность возврата
дорога мне, как детства глоток?
Оттого ли родные утраты
словно в сердце растущий цветок?
Ветер выдохнут, чарка допита,
прорастают сквозь прах семена,
проступают на каменных плитах
полустёртые письма.

¹ Эридан – речка в Афинах и созвездие.